С.В. Кугушев

# ТРОПЫ ИСТОРИИ

## Криптоаналитика глубинной власти

Том I

УДК 32.001:[316.42:323.22/.26](100)
ББК 66.0(0)+66.3(0),1+60.561.3(0)
К88

Кугушев С.В. Тропы Истории. Книга первая. Криптоаналитика глубинной власти. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2026. 602 с.
Kugushev S.V. Paths of History. Book one. The Cryptoanalysis of Deep Power. Moscow: KMK Scientific Press. 2026. 602 p.

Книга посвящена ответу на три ключевых вопроса: что, когда и почему пошло не так, в силу каких причин и обстоятельств прогрессивная динамика общественного развития сменилась на рубеже 1960–1970-х годов на деструктивную траекторию? На основании перекрёстного анализа малодоступных источников западных и российских архивов, мемуарной литературы и собственных воспоминаний, автор предлагает свою версию глубинных процессов последней четверти XX века, которые в итоге привели к надвигающемуся системному, политическому, экономическому, культурному, экологическому и технологическому кризисам.
The book addresses three key questions: what, when and why went wrong? Due to what reasons and circumstances the progressive dynamics of social development gave way in the late 1960s and early 1970s to a destructive trajectory? On the basis of a cross-analysis of hard-to-access sources in Western and Russian archives, memoir literature and his own recollections, the author offers his own version of the underlying processes of the last quarter of the 20th century which ultimately led to the impending systemic, political, economic, cultural, ecological and technological crises.

© С.В. Кугушев, наследники, текст, 2026
© А.И. Фурсов, предисловия, постраничные примечания, редактирование, 2026
© Институт системно-стратегического анализа, 2026
© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2026

ISBN 978-5-908015-59-2
ISBN 978-5-908015-60-8 (1)

# СОДЕРЖАНИЕ

А.И. Фурсов ..... 7
«Там на неведомых дорожках…» (предисловие к циклу «Тропы Истории»)..... 7
А.И. Фурсов «Следы невиданных зверей…» (предисловие к «Криптоаналитике глубинной власти»)..... 46
С.В. Кугушев. Криптоаналитика глубинной власти ..... 73
Обращение автора к читателю..... 74
Предуведомление автора..... 76
Введение ..... 85
Глава 1. Аурелио Печчеи..... 89
Глава 2. Александр Кинг ..... 126
Глава 3. Александр Кинг. Персидский опыт..... 178
Глава 4. Александр Кинг: на пути к Римскому клубу..... 226
Глава 5. Джермен Гвишиани: на пути к Римскому клубу ..... 240
Глава 6. Римский клуб. Основание..... 263
Глава 7. Кто стоял за спиной Печчеи и Кинга? ..... 297
Глава 8. В стране невыученных уроков. Москва ..... 338
Глава 9. Endgame по-коммунистически ..... 365
Глава 10. Вторая смена ..... 398
Глава 11. Из жизни советских негодяев ..... 435
Глава 12. Из жизни советских гениев..... 471
Глава 13. Тайные встречи в скрытой империи ..... 519
Глава 14. И пришёл Рокфеллер ..... 548

# А.И. Фурсов
# «Там на неведомых дорожках…»

## (Предисловие к циклу «Тропы Истории»)

*Тайная история подобна подземной реке,*
*никто из непосвящённых не ведает,*
*где и когда её чёрные воды*
*прорвутся на поверхность.*

О. Маркеев

*Реальная политика всегда вершится в тени,*
*стоит вытолкнуть человека на сцену — и он против*
*собственной воли становится актёром, фигляром,*
*играющим короля, а короля, как известно,*
*играет труппа, её легко разложить планомерной*
*коррупцией, разбить на группки, замутить мозги*
*вседозволенностью и липким, подспудно точащим*
*страхом неминуемой расплаты, и станет король голым…*

О. Маркеев

1

Открывая книгу из цикла «Тропы Истории», читатель вступает на тропы войны и мира, впрочем, этот мир больше похож на вечную войну за знания, власть и ресурсы. Проводник по этим тропам — автор цикла Сергей Владиславович Кугушев (17.10.1955 – 20.01.2021). Некоторые читатели могут удивиться: в 2020 г. Институт системно-стратегического анализа (ИСАН) издал книгу «Тропы Истории. Криптоаналитика глубинной власти» за авторством И.И. Смирнова. Это псевдоним, который после некоторых споров выбрал Сергей Владиславович. Когда мы готовили первое издание «Тропы Истории», он в качестве псевдонима шутливо (?) предложил «Волков-Зайцев», на что я шутливо (!) ответил так, как мог бы сказать Огурцов из «Карнавальной ночи»: «Петрушку, понимаешь, из ответработника делают». Кроме шуток: Кугушев действительно был ответственным работником, где

бы он ни находился, будь то начальственное кресло, трибуна, стол переговоров, письменный стол или компьютер. Кстати, выпущенная нашим институтом блестящая работа «Деструкция Номер 1917» тоже принадлежит его перу, «Беляев» — это псевдоним, как и «Смирнов». В 2020 г. мы издали «Тропы Истории» — под псевдонимом «И.И. Смирнов» и с купюрами. После этого за отведённое ему судьбой время Сергей Владиславович успел написать целый блок текстов, всего вместе набралось на четырёхтомник. Его мы и публикуем, включая первую книгу, но теперь уже под настоящей фамилией автора и без купюр.

На мой взгляд, цикл «Тропы Истории» не имеет аналогов как по содержанию, так и по форме, по жанру. Во-первых, это историко-аналитическое исследование власти, прежде всего, закрытой, герметичной, то есть реальной, которую не изучает политология. Во-вторых, автор, неплохо разбираясь в современной математике, физике, кибернетике, использует инструментарий, методы этих наук в своих штудиях — довольно редкое качество. В-третьих, будучи по характеру собственной работы (КГБ, Госстрой, банковская система, криптополитика и др.) п р а к т и к о м, Кугушев, в отличие от большинства учёных, не подключённых к этим сферам, хорошо не только понимал, но и чувствовал специфику, нутро этих сфер, а будучи сильным аналитиком, мог чётко сформулировать всё это на научном языке. Данное сочетание очень важно: порой читаешь хорошую работу сильного историка, но почему-то крупный политик или государственный деятель всё время оказывается типологически кем-то напоминающим то ли его завкафедрой, то ли другого коллегу; или наоборот: сильный спецслужбист-практик не может дать адекватную аналитику того, в чём участвовал. В-четвёртых, в историко-аналитическое исследование органично вплетены воспоминания Сергея Владиславовича, а ему было что вспомнить, воспоминания при этом аналитичны. У меня «Тропы Истории» вызвали ассоциации с двумя очень разными и написанными в разное время книгами. Одна — «Былое и думы» Александра Ивановича Герцена. Другая — «Трагедия и надежда. История мира в наше время» Кэрролла Куигли (кстати, хронологически Кугушев начинает там, где заканчивает Куигли). Жанр «Троп Истории» я определил бы так же, как Лев Толстой определил жанр «Войны и мира»: это «то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в какой оно выразилось»[1]. Толстой считал эту особенность русской литературы, заключающуюся в отступлении от западноевропейских форм, нарушающую их, нашей нормой. Я вижу в этом проявление свободы русского духа, его произвольную позицию по отношению к материалу, к объекту/предмету исследования, в конечном счёте — к власти.

Цикл «Тропы Истории» не только фундаментален, но и актуален — более чем, и эта актуальность будет нарастать по мере погружения мира в глобальный кризис. Суть в следующем. Цикл «Тропы Истории» С.В. Кугушева посвящён явным и тайным (точнее, скрытым) формам взаимодействия западных и советских элит,

[1] Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1955. Т. 16. С. 7.

главным образом в период между окончанием Второй мировой (для нас — Великой Отечественной) войны и разрушением СССР (1989/1991 гг.).

Особое внимание уделено:

– западным закрытым структурам мирового согласования и управления как субъектам истории, Большой мировой игры;

– неформальным группам советской правящей элиты в 1960–1980-е годы;

– транснациональным (трансграничным) сетям, в которые по тактическим соображениям на краткие и средние сроки входили представители одновременно западных и советских организованностей (используем термин из «Тектологии» А.А. Богданова), реализовывавшие таким образом свои внутренние и внешние цели.

Сравнительно-исторический (под историей понимается и настоящее, на которое историк как минимум имеет такие же права, как и представители других социогуманитарных дисциплин) анализ элит, форм и типов их взаимодействия на мировом уровне важен и в научно-эмпирическом, и в теоретико-методологическом, и в практическом плане, что и демонстрирует новаторская, пионерная работа Кугушева.

Во-первых, правящие элиты как «хозяева мировой игры», «Хозяева Истории» (Б. Дизраэли) — системообразующий элемент любой системы, в том числе капиталистической, умирающей, точнее, уже умершей на наших глазах (просто труп не успели ещё похоронить); во многих отношениях они — ключ к системе, держатель не только колец её власти, но и её секретов. Без изучения господствующих групп (их правящего ядра, их целеполагания, стратегий, главного объекта их присвоения и т.д.) невозможно понять ни одну систему.

Во-вторых, с того момента, как в середине 1970-х годов мировые верхи приступили к демонтажу уже почти исчерпавшей себя системы капитализма, на их изучение, реальный анализ было наложено негласное табу. В частности, после работ Дж.У. Домхоффа[2] по американским элитам, по сути, перестали выделяться гранты на подобного рода исследования (по крайней мере, в открытом режиме), а сама тематика была заярлычена как конспирология, «теории заговора» и т.п.

В-третьих, поскольку капитализм есть мировая система, верхний слой государств этой системы носит не столько национальный, сколько наднациональный, трансграничный характер, создавая наднациональные, трансграничные сети и структуры мирового согласования и управления. Разумеется, это ни в коем случае не мировое правительство, которое в принципе невозможно; скорее, речь должна идти о сети с более или менее устойчивыми узлами.

В-четвёртых, хотя СССР был системным антикапитализмом, с самого начала советской истории советские верхи были в той или иной степени включены в ми-

[2] Domhoff G.W. Who Rules America? Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1967; его же: Studying the Power Elite: Fifty Years of Who Rules America. N. Y.; L.: Taylor and Francis, 2018 и ряд др. Несмотря на то, что проблематику, над которой работал Дж.У. Домхофф, чаще всего фиксируют как конспирологическую, его работы переиздаются. В значительной степени это объясняется тем, что фактологически и особенно концептуально они отражают американские реалии конца XX в. и сущностно не затрагивают последние 30 лет. К тому же, в работах Домхоффа чётко видны «красные линии».

ровые сети или как минимум подключены к ним, хотя крайне редко — на равных. История этого подключения коренится в дореволюционной истории антисистемных групп и партий, прежде всего, большевиков. После 1945 г. подключение советской правящей элиты, верхних сегментов партноменклатуры к мировым сетям развивалось по нарастающей, несмотря на реалии и риторику Холодной войны. Эти процессы нередко приносили СССР тактические успехи, однако их суммация в определённый момент привела к стратегическому поражению и гибели Советского Союза.

В-пятых, есть чисто практический аспект, причём не вообще, а конкретно наших дней — эпохи мирового кризиса — и конкретно для нашей страны. Как заметил Сергей Владиславович Кугушев (далее — СВ), в ближайшие годы произойдут серьёзные сдвиги в элитах. «В связи с этим, — пишет он, — самыми востребованными в России ребятами из элит станут те, кто хорошо будет понимать, с кем можно реально установить связи на Западе и на Востоке на верхнем элитном уровне и договориться, как грести вместе к правильному берегу. В отличие от других государств в России нет ни одной не только открытой, но и, насколько я знаю, закрытой структуры, которая всерьёз занимается элитами. В принципе сегодня имеются все необходимые информационные массивы и инструменты работы с ними, которые позволяют гораздо более точно, чем швейцарцы несколько лет назад[3], получить подробную карту элитных раскладов. Это будет бесценной валютой в новом мире»[4]. Без анализа правящих элит, их структур, их отношений друг с другом, их оккультного измерения, их места в породившем их господствующем классе (т.е. их политэкономии), их места в мировых раскладах невозможна, помимо прочего, глубокая разработка наших противников в мировых играх, особенно и близящемся системно-историческом сломе 2030–2040-х годов и на фоне геоклиматической катастрофы. При этом надо учитывать, что, с одной стороны, в условиях развёртывающегося кризиса Россия весьма рискует стать полем борьбы различных групп мировой верхушки (история, в том числе, недавняя, даёт немало примеров такого рода для наших кризисных ситуаций), с другой — велика вероятность попыток использовать нашу страну и наше население в качестве подопытных кроликов глобальной лаборатории (в частности, опытов по удержанию пси-поля на требуемом для опера-

[3]Имеется в виду исследование, проведённое в 2007 г. в Швейцарском государственном технологическом университете под руководством Джеймса Глаттерфелдерса. Данные о 37 миллионах корпораций, их «дочках», банках и частных инвесторах были загружены в суперкомпьютер Orbis 2007. Было выделено ядро — 43 060 корпораций, у которого есть суперъядро — 1318 корпораций, которые контролируют 20% мирового дохода и плюс к этому имеют и контролируют акции большинства крупных корпораций — это ещё 60% мирового дохода. Внутри суперъядра — сверхъядро — 147 корпораций и банков (последние составляют 75% этой полуторасотни), которые тесно связаны друг с другом, контролируя 40% мирового дохода и все крупнейшие СМИ. У полуторасотни «властелинов мира» и «продавцов воздуха» есть «мозг» — 27 главных корпораций и банков. Символично, что одну из ультраглобалистских структур — Совет по инклюзивному капитализму с Ватиканом — возглавляют именно 27 «Стражей». Надо ли объяснять, кого они представляют?

[4]Кугушев С.В. Тропы Истории. Четвёртая книга: Финал.

тивного воздействия информационно-энергетическом уровне), в качестве мишеней для психоисторической стрельбы из будущего: информация течёт и бьёт не через пространство, а через многомерное время. И не стоит себя успокаивать мыслью, что наднациональные элиты — это где-то далеко, вне нашего мира. Во-первых, в современном мире, тем более, в кризисной ситуации грань между внутренним и внешним становится пунктирной. Во-вторых, никакие процессы развития невозможно объяснить исключительно внутренними факторами. Всегда есть факторы, непосредственно в данных процессах не участвующие, но влияющие на них так или иначе — например, резонансно или синхронансно. Речь идёт о «постороннем притягивающем элементе». Его роль часто выполняют наднациональные элиты, их организованности и их взаимодействие.

Цикл «Тропы Истории» порождён осознанием исключительной важности перечисленных проблем и являет собой пример того, как и какими методами можно их решать, как нужно работать с массивами информации по элитам, чтобы, с одной стороны, анализировать и прогнозировать их поведение (помимо прочего, в соответствии с их традициями и историей формирования — генезис вещи определяет её функционирование); с другой — анализировать и прогнозировать варианты и паттерны их взаимодействия с другими элитами, их «отрядами», фракциями и организациями. В центре цикла — один из самых, как оказалось, судьбоносных для современного мира процессов, в том числе потому, что он похоронил этот мир; речь идёт о межэлитных взаимодействиях — между западными (британскими, американскими и западноевропейскими) и советскими элитами после 1945 г. Это взаимодействие, помимо прочего, анализируется в контексте внутриэлитной борьбы и связанных с ней событий на страновом, внутригосударственном уровне — СССР, США, Великобритания. Автор вводит в оборот огромный массив малоизвестного или ранее просто неизвестного — либо инсайдерского по происхождению, либо незамеченного («незамечаемого») профанно-профессорской наукой — материала, предлагает свои интерпретации и этого материала, и целого ряда событий, активным участником части которых он был сам.

Теперь о названии цикла. У него двойной, а то и тройной смысл. В обиходном значении «тропа» — это, во-первых, узкая дорожка без дорожного покрытия; во-вторых, в переносном значении — направление деятельности. У филологического термина «троп» (от древнегреческого «тропос» — оборот) тоже два значения. Во-первых, это термин (стилистическая фигура), оборот, обозначающий употребление слова или выражения в переносном значении для усиления образности; во-вторых, это сюжетный ход, составляющий основу книги, её завязку. На мой взгляд, в названии книги увязаны два обиходных значения и второе научное. Речь идёт о тайных, неведомых (т.е. ещё незнаемых) Тропах Истории, которые становятся тропом — основой книги. Исследователь идёт по этим неведомым тропам как охотник по следам. Этот исследователь, автор данной книги, — личность многосторонняя и с б и о г р а ф и е й. Управленец высокого класса и великолепный аналитик, сотрудник

госбезопасности и политик (с «приставкой» крипто-), бизнесмен и публицист, да и вообще человек с мощным творческим потенциалом, способный быстро поглощать огромные объёмы информации из самых разных областей (экономика, политика, история, психология, физика, математика и др.), осмысливать и упорядочивать эту информацию и выдавать на этой основе значимый нетривиальный интеллектуальный продукт. По сегодняшним меркам СВ прожил не очень долгую жизнь — что такое 66 лет по нынешним времена? Но успел он немало, включая четырёхтомник, первый том которого читатель держит в руках.

## 2

В н е ш н е биография СВ выглядит так[5]. После школы он поступил на дневное отделение Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова[6]. По окончании вуза — работа в Государственном комитете СССР по труду и социальным вопросам (Госкомтруд), сначала в должности экономиста, затем помощника председателя Госкомтруда (эта должность была номенклатурой ЦК КПСС). В 1986 г. — перевод в Госстрой СССР, где уже через год СВ стал начальником Управления труда и социальных вопросов в ранге заместителя министра (со всеми номенклатурными «аксессуарами», включая «Волгу» с личным водителем), который, помимо прочего, отвечал за развитие кооперативного движения в СССР. Министром в ту пору был Юрий Петрович Баталин, а соседнее с кугушевским управлением возглавлял сосланный в Госстрой Борис Николаевич Ельцин.

В 1987 г., используя возможности замминистра, СВ организовал лабораторию, которую возглавил один из будущих антигероев смутно-перестроечного и мутно-послеперестроечного времени К.Г. Кагаловский; в 1999 г. вместе со своей женой Н.Л. Гурфинкель он окажется замешан в деле отмывания через Bank of New York мафиозных денег, по американской оценке — 10 млрд. долларов[7]. Эта история связана с дефолтом 1998 г. Информированным людям было ясно, что он случится — плюс-минус неделя. И тогда, писал мне СВ в письме от 5 января 2016 г., *«чтобы продлить срок для вывода западных инвестиций в ГКО с фиксацией прибыли, МВФ дал срочный кредит в три с небольшим миллиарда. Из них 1,5 млрд. пропали. То есть буквально не дошли до казначейства Минфина, а почему-то оказались в австралийском банке. Поскольку там были деньги американских налогоплательщиков, то отдел расследований, по-моему, New York Times, выяснил, что деньги через*

[5] Я благодарен Елене Сергеевне Лариной за предоставленные биографические материалы.

[6] Ныне Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

[7] Несмотря на подмоченную репутацию, а, возможно, благодаря ей, Кагаловский в 2003 г. возглавил фонд «Институт открытой экономики». Через две недели после ареста (25 октября 2003 г.) М.Б. Ходорковского (19.11.2025 г. внесён Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов в РФ) Кагаловский спешно эмигрировал, в эмиграции активно сотрудничал с В.А. Гусинским и Б.А. Березовским. Не бедствовал. По информации Forbes, в 2003 г. продал свои акции НК ЮКОС предположительно за 800 млн. долларов.

*Bank of New York, который в Москве представляла Наталья Гурфинкель — жена Константина Кагаловского, ушли на офшоры, традиционно используемые американцами. Потом эту историю использовали для дискредитации Тани и Вали и других сопутствующих тем»*. Но это произошло уже через десять лет после того, как СВ покинул Госстрой и госслужбу вообще. В 1989 г. вместе с Роланом Быковым он создал первую общественно-коммерческую организацию «Всесоюзный центр кино и телевидения для детей и юношества». Быков стал почётным президентом, а СВ — генеральным директором (до 1991 г.). В 1990 г. вместе с ещё несколькими соучредителями СВ создал акционерное общество «Русский капитал».

На рубеже 1980–90-х годов Кугушев по своей основной службе, о которой читатель узнает из текстов четырёхтомника, контактировал, порой довольно плотно, с будущими «младореформаторами». При этом он придерживался совершенно иных, чем они, взглядов. Так, 6 февраля 1991 г. в «Комсомольской правде» была опубликована его статья «Пока не приватизировали Кремль». В ней Кугушев высказал идею создания блока, который должен быть представлен настоящими предпринимателями (а не спекулянтами, расхитителями и мародёрами чубайсовского розлива), военными и спецслужбами, будет опираться на широкую народную поддержку, а потому способен вывести страну из кризиса и провести реформы в интересах подавляющего большинства населения. Как мы знаем, «младореформаторы»-ельциноиды не были способны прибавлять и умножать, а умели лишь делить и отнимать; они не только провели антинародные реформы и разворовали страну в качестве подельников западного капитала и ширмы для серьёзных людей, устроив невиданный в истории (по оценке экспертов ООН) погром среднего класса, но ухитрились, объявив себя рыночниками, уничтожить и рынок, именем которого они фальшиво клялись, и реальное отечественное предпринимательство. У Кугушева была другая программа, но ей не суждено было реализоваться.

В сентябре 1998 г. при секретариате первого заместителя председателя правительства Ю.Д. Маслюкова была создана группа, занимавшаяся проблемой борьбы с коррупцией. Как пишет СВ, формально группой руководил полковник Антон Суриков, Кугушев и Валерий Стрелецкий были советниками на общественных началах; М.Г. Делягин и М.М. Мусин *«делали схемы бухгалтерских проводок, по которым всё высчитывалось»*. При этом, как заметил СВ в письме от 3 февраля 2016 г., не обходилось без определённых напряжённостей: ближний круг Примакова составляли люди из бывшего первого главка КГБ (ПГУ), а Суриков был из ГРУ: так сказать, Ясенево против Аквариума; Кугушев же был связан с Шестым управлением (научно-техническая разведка), *«у нас между Первым и Шестым управлением тоже всё было плохо»*. Тем не менее группа работала при Примакове и даже несколько месяцев при сменившем его (но, как впоследствии оказалось, «не так севшим») Степашиным, а потом её закрыли.

В 1996 г. Ельцин выиграл президентские выборы — официально. Реально победил Г.А. Зюганов — Д.А. Медведев прямо заявил об этом, впрочем, знающим

людям всё было ясно ещё в 1996 г. Ельцина, что называется, внесли в Кремль. Его «второе пришествие», строго говоря, уже не было ельцинщиной, рулили другие, пока Борис Николаевич «работал с документами». Поскольку возникла ситуация, когда Ельцину во многих отношениях уже было «ни до чего», Кугушев мог начать более активную работу в бизнесе. Раньше, как он сам говорит, это не позволяло весьма неприязненное отношение к нему Ельцина. Во время работы в Госстрое отношения Кугушева и Ельцина — руководителей двух Управлений, двух де-факто замминистров — были ровными, но постепенно начали портиться, и впоследствии злопамятный Ельцин, по словам СВ, стал числить его среди своих врагов, причём до такой степени, что некоторые свои планы Кугушев смог реализовать только после того, как в 1996 г. ЕБН удалился «на работу с документами».

## 3

Впрочем, работа в Госстрое не была первым контактом СВ и БН, их знакомство состоялось при весьма необычных обстоятельствах, которые, как и повод к ним, весьма интересны. Вот что пишет об этом сам СВ: Ельцина, *«которого я глубоко не уважаю, я знал лично долгие годы»*, его *«история не так проста, как её рисуют нынешние историки. Это было как будто четыре совершенно разных человека. С одним я общался в Свердловске. Со вторым — в Москве во времена горкома и Госстроя. С третьим — в период с избрания председателем Верховного Совета СССР до определённых событий… И с четвёртым — после этих событий, начиная с осени 1990 г. Сейчас историю написали задним числом и очень сложную петляющую тропу превратили в прямое шоссе. А это неправда»*.

Шапочное знакомство СВ с Ельциным в Свердловске произошло, как я уже сказал, по довольно необычному поводу. Вопреки распространённому мнению, а также соответствующей внешности и манере поведения Ельцин довольно много читал. В своё время на него большое впечатление произвёл роман Всеволода Анисимовича Кочетова (1912–1973) «Чего же ты хочешь?». Книга стала событием не только и даже не столько литературной, сколько общественной жизни СССР рубежа 1960–1970-х годов. Сюжет написанного в 1969 г. романа, который можно охарактеризовать одновременно и как предупреждение и, к сожалению, как сбывшееся пророчество, таков.

В Советский Союз приезжает группа диверсантов информационно-психологической войны — четыре человека: цэрэушница, её подручный, бывший нацист и русский эмигрант. Задача — прощупать советскую интеллигенцию на предмет уязвимых групп (и точек) и начать действовать с прицелом на демонтаж, разрушение советской системы. Кочетов показывает разные в идейном плане группы советской интеллигенции: прозападные либералы, националисты, ревнители православно-монархических порядков и др. Писатель убедительно, я бы сказал, пророчески показал нарастающий антисоветизм определённой, пусть небольшой, но весьма

активной, крикливой части совинтеллигенции, недовольной строем, презирающей народ и повёрнутой на Запад, на западный образ жизни. Собственно, вынесенный в название книги вопрос «Чего же ты хочешь?» обращён именно к **этой** интеллигенции, которая уже в советское время начала функционально превращаться в культур-буржуазию и которая **проявит** себя в перестройку, а после перестройки начнёт обслуживать новых хозяев, разворовывающих страну, и кое-что с барского (он же воровской) стола смахивая в разинутые алчные рты обслуги из «культурки». «Герои» — целая группа — себя узнали, и на Кочетова обрушился вал зубоскальной критики, пародий («Чего же он кочет?», «Чего же он хохочет?» и т.п.), просто злословия.

Вот эту книгу и захотел получить Ельцин с автографом автора. Те, к кому Ельцин обратился с просьбой, переадресовали её Кугушеву. Он выяснил, что экземпляр книги есть, но он с дарственной надписью автора… Михаилу Андреевичу Суслову. Кочетов надписал книгу, но не подарил её Суслову, поскольку был задет тем, что в целом благоволивший к нему, протежировавший ему (в частности, именно Суслов двинул Кочетова в главные редакторы «Литературной газеты») Михаил Андреевич не вступился за него. Справедливости ради нужно сказать, что Суслов притормозил журнально-либеральную критику в адрес романа Кочетова, а затем постепенно вообще приостановил её. Однако, разделяя взгляды Кочетова, он не вступился активно за своего протеже, а именно этого ожидал писатель и именно поэтому не стал дарить книгу.

У Суслова был свой, можно сказать, системный резон занять такую позицию, которую он занял. Во-первых, он не хотел обострения идеологических споров в среде интеллигенции. Во-вторых, как идеолог он не мог принять тот образ советской интеллигенции, который рисовал Кочетов. В-третьих, и это самое главное, Суслов прекрасно понял то, на что намекал и что косвенно сказал Кочетов: прозападная интеллигенция — это часть прозападного сегмента самой власти, продукт её начавшегося разложения. Правда, фиксацию этих процессов Кочетов вкладывает в уста врага, той же цэрэушницы Порции Браун, которая говорит, что Запад — действие романа происходит в середине 1960-х годов — общими усилиями уже пробил советскую стену, что работает программа демонтажа советского общества путём подрыва духовного мира советских людей различными средствами. Для старшего поколения — это религия, для среднего — деньги, включая валюту, для молодёжи — массовая культура западного образца (деморализация — рок, секс, наркотики), с одной стороны, и сокрушение прежних авторитетов и кумиров, их компрометация, размывание коммунистической этики и эстетики — с другой. Направление главного удара — молодёжь, подмена их общественных интересов личными, «освобождённая от обязательств жизнь. А тогда, — развивает свою мысль Браун, — в среде равнодушных, безразличных к общественному, которые не будут ничему мешать, возможным станет постепенное продвижение к руководству в различных ведущих организациях таких людей, которым больше по душе строй западный, а не советский, не коммунистический. Это

процесс неторопливый, кропотливый, но пока единственно возможный. Имею в виду Россию. С некоторыми другими социалистическими странами будет, думаю, легче. Уже несколько лет в некоторых из них идёт экспериментальная работа. Ближайшие годы покажут, что из неё получится. Если успех, то справимся и с Россией»[8]. Повторю: это говорит враг, но сами строй и логика романа подводят к выводу: ситуация с частью интеллигенции — это лишь производное от того, что происходит с властью, с Системой, и Суслов это прекрасно понял.

Мысль о возможности перерождения партийных кадров недвусмысленно прозвучала в последнем (незавершённом) романе Кочетова «Молнии бьют по вершинам», написанном на рубеже 1960–1970-х годов. В романе описано зиновьевское партруководство в Ленинграде в первой половине 1920-х годов, культ личности Зиновьева, этого «третьего Гришки» русской истории. Аллюзии с культом Брежнева, брежневскими порядками, которые писатель не принимал как по нравственным, так и по классовым причинам, были очевидны. Неслучайно в некрологе (тяжелобольной Кочетов застрелился в 1973 г.) роман даже не упоминается[9]. Впрочем, и в «Чего же ты хочешь?» есть вполне понятные намёки: враги констатируют, что в СССР 1960-х быть рабочим уже не так почётно, как раньше, возникает мода на дворянских предков, что со всей очевидностью указывает на растущее расслоение общества.

Но вернёмся к «запросу Ельцина» и «миссии Кугушева». СВ добыл книгу, и её передали Ельцину. Тот был вдвойне доволен — вожделенный роман получил, да ещё с дарственной Суслову. Какие всё же фортели выкидывает жизнь: Ельцин, которому так нравился роман — предупреждение Кочетова, — сделал в 1990-е годы максимум, чтобы предупреждение стало пророческим и схемы врагов середины 1960-х реализовались в России.

С 1996 по 2000 г. СВ был членом Совета директоров Межрегионального инвестиционного банка (АКБ МИБ; с 1997 г. — председателем Совета директоров банка), которому принадлежали крупные пакеты акций Московского вертолётного завода им. Миля и Балтийского завода в Санкт-Петербурге. Будучи не только умным, но и порядочным человеком, Кугушев не любил кривых путей и дорожек, поэтому в 2000 г. он покинул АКБ МИБ Дальнейшая судьба — СВ и банка — подтвердила

---

[8] Кочетов В. Чего же ты хочешь? Минск: Беларусь, 1970. С. 1281. В советское время «Чего же ты хочешь?» в виде книги была издана только один раз — в Белоруссии по настоянию первого секретаря компартии БССР П.М. Машерова. Пользовавшийся огромной популярностью в республике и имевший репутацию непримиримого борца с сионизмом Машеров дал указание издать роман Кочетова тиражом в 30 тыс. экз. Однако даже в Белоруссии сопротивление роману было таково, что книга вышла тиражом 10 тыс. экз. Кстати, её нет и в вышедшем в конце 1980-х годов шеститомном собрании сочинений Кочетова. Неудивительно: перестройка прошла именно по той схеме, о которой предостерегал Кочетов и которую в романе озвучила цэрэушница.

[9] Кстати, в конце 1970-х годов выйдет ещё один «аллюзийный» к брежневским временам роман — «Нечистая сила» («У последней черты») В.С. Пикуля, тоже не любимого прозападной частью интеллигенции, только аллюзии здесь будут не к зиновьевщине в Ленинграде, а к распутинщине в Петербурге/Петрограде.

правоту тезиса Ленина о том, что «принципиальная политика — самая практичная политика», и тезиса Блаженного Августина о том, что «наказание без вины не бывает».

В нулевые жизнь вновь свела СВ с Суриковым, а через него — с В.Ю. Сурковым и А.А. Прохановым, которого Кугушев однажды назвал «последним великим писателем земли русской», при этом совершенно не разделяя его взглядов. По просьбе одного очень серьёзного человека из верхов Кугушев оказался среди тех, кто продумывал идею так называемой «партии третьего срока». В основе последней лежала сурковская идея соединить технократию и суверенную демократию. Это соединение предполагало патриотизм, имперскость и т.п. Как раз примерно в это время А.А. Проханов загорелся идеей насыпать холм близ Изборска. *«Он уговорил нас с Антоном Суриковым,* — писал мне СВ в письме от 12 декабря 2019 г., — *съездить посмотреть это место. Рядом псковские бандиты держали замечательную загородную гостиницу. Проханов провёз нас по Псковской области. Действительно, там было красиво и интересно. Тогда мы с Антоном уговорили Проханова написать про Пятую империю* (насколько мне известно, к этому времени А.А. Проханов уже сам вынашивал подобную идею. — *А.Ф.*), *и отдали всё это умному человеку за Стеной — Суркову. Он, не просто как умный человек, а в душе писатель, загорелся этой историей…»*

Примерно в это же время Кугушев в соавторстве пишет трилогию «Третий проект» («Погружение», «Спецназ Всевышнего», «Точка перехода»), изданную АСТ в 2005–2006 гг. С 2014 г. и до самой смерти СВ сотрудничал с Институтом системно-стратегического анализа, писал для нас, мы вели с ним активную переписку, в письмах обменивались мнениями по самым разным вопросам — от криптоистории и проблемы времени до фантастики и спорта — и спорили, тоже по самым разным вопросам — от русской власти и Сталина до марксизма и теории эволюции (очно мы с ним так никогда и не встретились, последние десять лет жизни у СВ были проблемы со здоровьем).

## 4

Человек формируется прежде всего семьёй и лишь затем — двором, школой, обществом; человек — лишь звено в родовой цепи. То, кем и каким стал Кугушев, как говорится, «по жизни», в огромной степени определено его семейно-родовой основой, семейно-родовым происхождением и в целом, и в такой частности, как инсайдерская информация о реальной, т.е. нередко тайной истории нашей страны, да и некоторых зарубежных стран, особенно что касается их элит и межэлитного взаимодействия. Поэтому просто необходимо рассказать о родителях и родственниках СВ, это многое объясняет.

Отец СВ, Владислав Борисович Кугушев (1932–1973), как говорил сам СВ, занимал не последнее место в ракетной отрасли, погиб в результате аварии на про-

изводстве. Мама — Маргарита Ивановна Кугушева — работала в Министерстве по производству минеральных удобрений. Дед по линии отца, Борис Николаевич Кугушев (1908–1977), занимал ещё более не последнее место, но уже в советской разведке. Деда, лишившегося в возрасте девяти лет умерших от тифа родителей, в детстве усыновил его бездетный дядя, Вячеслав Александрович Кугушев, речь о котором впереди. Здесь для затравки отмечу лишь, что он был князем, масоном, человеком с широчайшими связями в аристократической, либеральной и революционной средах (будучи одним из руководителей партии кадетов, в то же время укрывал видных большевиков). А женился он на сестре своего друга и по совместительству управляющего его имением — А.Д. Цюрупы (1870–1928) — будущего наркома в первых ленинских, а также послеленинских правительствах, но об этом позже.

Борис Николаевич окончил МВТУ, затем — Красная армия и Разведупр (предшественник ГРУ), куда его принял один из создателей советской военной разведки Ян Карлович Берзин (1889–1938) и где Борис Николаевич специализировался на радиоразведке и дешифровке. Как рассказывал СВ, поскольку многие родственники деда оказались не просто в эмиграции, но и среди врагов советской власти (а также, предположу я, поскольку этого требовала специфика профессии деда), тот сменил фамилию и восстановил её, только выйдя в отставку в 1970-е годы. По мнению Кугушева, это помогло его бабушке и отцу проскочить 1937 год: по делу Берзина дед был арестован и получил 25 лет лагерей. Однако поскольку его жена сохранила польскую фамилию, а отец жил под «исходной» фамилией своего отца, то всё обошлось. В 1940 г. в канун войны в Красной армии практически не осталось специалистов по радиоразведке, и по просьбе Ф.И. Голикова и Л.П. Берия был частично реабилитирован (с возвращением воинского звания и восстановлением в Красной армии) ряд специалистов, среди которых был и Борис Николаевич. Так в 1940 г. он оказался начальником штаба одной из дивизий Западного военного округа, командиром разведбата, где были сосредоточены значительные силы радиоразведки.

Вот что рассказывает СВ о военной одиссее деда: *«…за время войны он дважды в 1941 г. в районе Смоленска и в 1942 г. на Волховском фронте попадал в котлы, но успешно выходил спустя месяц и более из окружения с большими группами бойцов. Если первый раз он отделался понижением в звании, то после выхода из Волховского окружения, где командующий 33-й армией, генерал М.Г. Ефремов застрелился, а командующий Второй армии А.А. Власов перешёл на сторону немцев, то дед, подобно всем офицерам разведки, был разжалован до рядовых и отправлен в штрафбат. Тем не менее, войну он окончил зам. начальника штаба — начальником разведотдела — фронта в Берлине. В послевоенные годы дед был сначала военным комендантом крупного немецкого города, а потом одним из руководителей создания знаменитого советского предприятия в ГДР — "Висмут", — обеспечивавшего ураном Минсредмаш СССР Е.П. Славского»*.

Ещё во время войны Борис Николаевич познакомился с одним из руководителей советской разведки Н.И. Эйтингоном, который вместе с П.А. Судоплатовым спланировал и организовал убийство Троцкого в Мексике (операция «Утка»); впрочем, то было не единственное «активное мероприятие» такого рода данной пары замечательных советских разведчиков. Работая под руководством Л.П. Берия и непосредственно общаясь с ним, Борис Николаевич сначала сошёлся с Эйтингоном, курировавшим разведку по атомному и ракетному проектам, по службе, а затем подружился с ним и продолжал дружить и до обоих арестов Эйтингона, и после выхода его из заключения в 1964 г.

В 1947 г. Борис Николаевич был одним из трёх заместителей Л.П. Берия, курировавшего вновь созданный Комитет информации. Имеет смысл сказать несколько слов, во-первых, об этом Комитете, тем более, что о нём ни в России, ни за рубежом не написано ни одной научной работы (хотя материалы о нём не засекречены); во-вторых, о связанной с Комитетом так называемой «программе Шелепина», которую обнародовал на Западе перебежчик (1961) Анатолий Голицын, автор знаменитой книги New Lies for Old («Новая ложь вместо старой»)[10]; кстати, в Комитете информации Голицын был одним из ключевых людей, особенно во второй половине 1950-х годов.

Вот как описывает СВ историю создания Комитета и появления «программы Шелепина». После окончания войны Сталин *«всерьёз задумывался о том, что объединённый капиталистический мир рано или поздно задушит СССР за счёт экономического, ресурсного и технологического превосходства… Поскольку Сталин оценивал подобный исход как вероятный, он поставил задачу аккумулировать всю доступную западную информацию относительно всей гаммы военных и невоенных методов, используемых для терминального поражения противника. Собственно, это стало одной из главных задач созданного в 1947 г. Комитета информации при Совете Министров СССР. Традиционно в истории разведки главной функцией этого Комитета считается координация всех институций советской разведки в рамках проведения совместных операций. Однако это не так. Координационная функция была по значимости лишь третьей. Главной была функция разработки методов не ограниченной традиционными вооружениями войны, а второй — анализ захваченной германской документации с точки зрения её использования для создания военно-технологических преимуществ для СССР. Были также и другие функции. Комитет был упразднён только в 1958 г. с передачей всех функций и полномочий в закрытое, более того, засекреченное для других структурных единиц подразделение отдела ЦК КПСС по Административным органам — разведке, милиции и т.п. Забавно, что аппарат Комитета, а затем закрытого подразделения Административного отдела размещался в бывших зданиях Исполкома Коминтерна»*.

[10] Golitsyn A. New Lies for Old: The Communist Strategy of Deception and Disinformation. San Pedro (CA): GSG and Associates 1984. XX, 412 p. Книга посвящена памяти Анны Ахматовой, которой и приписывается фраза «новая ложь вместо старой». Голицын стал прототипом агента «Топаз» в романе Лайона Юриса «Топаз» (1967) и снятого по нему в 1969 г. А. Хичкоком одноимённого фильма.

*«После смерти Берии Комитет свернул работу по программе и вплоть до 1957 г. занимался разработкой, планированием и осуществлением мероприятий по невоенным методам активного ведения конфликтов. С 1958 г. работы по программе были реанимированы. Её курировал Александр Николаевич Шелепин в бытность его заведующим Отделом партийных органов по союзным республикам, затем председателем КГБ и секретарём ЦК КПСС. Собственно, из заметок Сталина в связанный план Программа превратилась именно при Шелепине»*. Поэтому на Западе она стала известна под названием «План Шелепина» после побега Голицына, его работы с Д. Энглтоном, который побудил Голицына написать в первой половине 1970-х книгу, изданную в январе 1984 г. под заголовком «Новая ложь вместо старой».

Шелепин обратился к неким заметкам Сталина, которые датируются 1948–1949 гг. и являются размышлениями о стратегии СССР в условиях поражения от Запада. Заметки Сталина — вполне реальный документ. Как пишет СВ, в конце 1970-х годов эта *«небольшая бумага… Сталина была переведена из разряда "совершенно секретных" в "секретные", а для сотрудников КГБ — в разряд "для служебного пользования". Я собственными глазами читал её в сборнике материалов, которые раз в квартал издавал один из учебных кабинетов нынешней Академии им. Ю.В. Андропова»*. Шелепин превратил заметки в некую программу: *«Суть Программы Шелепина состояла в следующем. Как бы ни повернулись события, даже после поражения СССР, на Западе, прежде всего в США, Германии и отчасти Британии, должны приходить к власти и действовать люди, которые последовательно, хотя, возможно, и против своей воли, будут вести эти страны ко всё нарастающему кризису и в конечном счёте к социализму. Кроме того, в западную финансово-экономическую систему заранее закладывались мощнейшие мины замедленного действия, которые в определённый час должны взорваться»*. Главная хитрость этой программы, согласно СВ, *«состояла как раз в том, что она должна была быть реализована и в случае полного паралича российских операторов Программы и превращения страны в своего рода зону то ли Второго, то ли Третьего мира»*.

После того, как во второй половине 1960-х годов брежневцы руками прежде всего Ю.В. Андропова окончательно разгромили группу Шелепина и советская номенклатура начала интегрироваться в мировую капиталистическую систему, «в Запад», программа Шелепина, естественно, подвисла. Хотелось бы верить: то, что происходит сегодня с Западом, хотя бы отчасти связано с реализацией схемы Сталина – Шелепина в условиях, когда СССР прекратил своё существование, но, скорее всего, это не так. С середины 1970-х годов определённые сегменты мировой верхушки сами и в своих интересах демонтируют капитализм, превращают Запад в Постзапад и сокращают численность белых европеоидов, растворяя их в массе арабов, негров, латино.

Впрочем, «нам не дано предугадать как слово наше отзовётся». Вот ещё одна история от СВ. *«В 1986–1989 гг. в период улучшения советско-китайских отно-*

*шений у нас по линии военной разведки обучалась небольшая группа китайских военных аналитиков и стратегистов из наиболее талантливой молодёжи. Как я понимаю, кто-то зачем-то им подробно рассказал о советской программе невоенной победы над Западом даже в том случае, если СССР распадётся, т.е. об основных принципах программы Шелепина. Это обучение имело и имеет по сегодняшний день очень странные последствия.*

*В 1999 г. два китайских генерала, один из которых учился в составе группы, опубликовали на китайском языке для внутреннего пользования китайскими военными и разведчиками книгу "Неограниченная война". Главный смысл её состоял в том, что при нынешнем технологическом развитии собственно война между сверхдержавами невозможна. Также рискованны химическая и бактериологическая войны. Поэтому надо искать и находить новые методы.*

*Примерно в 2005–2007 гг. кто-то из китайских перебежчиков привёз книгу в Америку. В первый момент она настолько поразила американцев, что они её не смогли осмыслить. Первыми, кто оценил то, что в ней написано, стали известный американский руководитель финансовой разведки Коэн и генерал МакКристол. Они обеспечили её перевод на английский и издание в несекретном виде. Китайцы сначала попытались отнекиваться, но потом были вынуждены признаться в реальном наличии подобной работы.*

*Нынешняя действующая американская доктрина о пяти полях боя и семи сферах конфронтации — это не что иное, как копия с описанного в книге. В конце июля 2020 г. Помпео сказал, что китайцы реализуют план, описанный в книге "Неограниченная война", против США, т.е. война, прежде всего, в политической, финансово-экономической и психосоматической сферах, а также деформация и подавление американских технологий. У нас так никто и не удосужился перевести эту книгу, которая не столь велика и составляет всего 290 страниц. Вместо этого, как попугаи, руководство, военные, разведка и исследователи талдычат о "цветных революциях" и прочих давно устаревших артефактах. Так что идеи Иосифа Виссарионовича уже овладели мировыми элитами и вовсю осуществляются. Но не у нас».*

Вернёмся, однако, к Борису Николаевичу. Из Комитета информации он перешёл на работу в ЦК КПСС и в положенное время вышел на пенсию. Однако связи и ученики позволяли ему оставаться в курсе важнейших потоков информации, включая очень закрытые. Как пишет СВ, *«дед, занимая серьёзную позицию в разведке, даже после выхода на пенсию, благодаря своим ученикам и друзьям-сослуживцам, мог заказывать за рубежом ценные книги по специальности, которые зачастую были недоступны даже для Ленинской библиотеки и библиотеки Академии наук СССР»*. Кроме того, источником информации непосредственно для деда-уже-пенсионера и косвенно — для его внука были многочисленные ученики деда, как в советских спецслужбах, так и в разведывательных структурах стран Варшавского договора. В уже цитировавшихся заметках СВ писал: *«Одним из последних и наиболее ценимых учеников был молодой офицер МГБ ГДР, более известного как Штази. Он сделал до-*

*статочно быструю карьеру в разведке и к концу 1970-х годов возглавил небольшое подразделение, курирующее активность Штази в католической церкви. Важно иметь в виду, в самой ГДР католиков было мало, менее 5% населения. Исторически земли Германской империи, вошедшие в состав ГДР, принадлежали к традиционно протестантским районам. Соответственно, подразделение Штази, занимавшееся католической церковью, основную активность проявляло в таких землях ФРГ, как Бавария, Пфальц, Рейнланд-Пфальц, Северный Рейн-Вестфалия и Саар. Кроме того, ещё с конца 1940-х – начала 1950-х годов, когда в Штази пришли сотрудники разведывательных структур нацистской Германии, разведка ГДР смогла создать прочные позиции в Ватикане. Вплоть до самоликвидации ГДР эти позиции только укреплялись. Соответственно, ученик деда располагал разнообразной, зачастую прямо не входящей в компетенцию его подразделения, информацией»*. Вот в таком информационном бульоне «варился» мальчик, а затем вьюнош Сергей Кугушев.

## 5

Весьма насыщенной была жизнь и деда по материнской линии — Ивана Ивановича Смирнова. Он родился в 1904 г. в деревне между Бронницами и Раменским Московской губернии в семье, где кроме него было ещё семь сыновей. От голода бежал в Москву, где устроился половым в трактире. Владел трактиром один из местных паханов, и по заданию милиции Ваня начал, скажем так, «присматривать» за бандитом. Ну а когда того с «коллегами» взяли, пошёл в школу рабочей молодёжи, а затем — в милицию. В 1931 г. Иван вступил в партию и его отправили проводить коллективизацию в деревню, откуда он родом. А потом жизнь бросала Ивана Ивановича то на сахарозавод (директор), то в Наркомат пищевой промышленности, то на войну с финнами, с которой он пришёл инвалидом. Тем не менее, несмотря на инвалидность, во время войны Иван Иванович был комиссаром одной из четырёх дивизий московского ополчения. В том, что из 300 тыс. ополченцев (средний возраст — 36 лет, который складывался из массы 15–16-летних, с одной стороны, и пятидесятилетних и старше, с другой) в живых осталось 42 тыс., дед винил Сталина, не мог простить вождя и ненавидел его. В 1942 г. Иван Иванович отвечал за уничтожение продовольствия и заводов пищевого наркомата на оставляемых территориях, с 1943 г. — за их восстановление. После войны десять лет работал начальником подмосковного подразделения структуры, которая впоследствии стало называться ОБХСС. Интересно, что все пять оставшихся в живых после войны братьев деда работали директорами в системе пищеторга. Должность, с которой Иван Смирнов ушёл на пенсию, — начальник Главсахара. К этому времени он уже развёлся со своей женой, Татьяной Ивановной, которая была директором Центрального научно-исследовательского института тары рыбной промышленности.

Вторым мужем Татьяны Васильевны, бабушки СВ по материнской линии, был Борис Васильевич Балашов (1907–1977). Во время войны он служил в артиллерии,

а после был главным конструктором в том же таро-рыбно-промышленном институте. К Борису Васильевичу СВ относился с большой симпатией и общался с ним как с родным дедом. Он много рассказывал СВ о своей жизни — о войне и о мирном времени, которое нередко бывало не менее жестоким, чем военное.

В восприятии СВ избыточная, по его мнению, чуть ли не параноидальная жестокость советской системы 1930-х – начала 1950-х годов оказалась навсегда прочно связана со Сталиным. Возникла эта связь в результате бесед с двумя родными дедушками, неродным и особенно с «дедушкой Наумом» — Эйтингоном. Именно Эйтингон оказал огромное влияние на юного Серёжу, сформировав его как антисталиниста.

Как пишет Кугушев, *«впечатление, произведённое на меня Наумом Иосифовичем после выхода из заключения, стало едва ли не главным фактором, сделавшим меня, ещё ребенком, убеждённым антисталинистом и противником любых опричнин. Поскольку большую часть детства я провёл у дедушки с бабушкой, то дед много рассказывал мне не о себе (о себе он почти не говорил), а о своих друзьях-разведчиках, в том числе и, может быть, больше всего о дедушке Науме, как сначала называл его он, а потом я. Я тогда не очень понимал, что такое человек, который создал советскую разведку в Америке, добыл секрет атомной бомбы, ракетного двигателя и т.п., но в моём детском воображении представлялся какой-то герой из демонстрировавшихся тогда по телевидению фильмов 1950-х годов о разведчиках. Все они, как на подбор, были молодыми красавцами, блиставшими умом, отвагой и мужеством.*

*Поскольку дед с бабушкой жили на Волочаевской улице в двухэтажном доме, построенном пленными немцами и состоявшем из двух пятикомнатных квартир, то в основном друзья деда собирались у него. В его квартире было просто много места, хотя она была крайне неудобной. Все комнаты вместе с кухней представляли собой длинную анфиладу, когда все комнаты являются смежными. Одной стороной стены во всех комнатах была огромная изразцовая печь, с пола до потолка, с пейзажами одного из немецких городов в каждой комнате. Пленные, тоскующие по Родине немцы, привлечённые к проектированию дома и его строительству, в десяти изразцовых пейзажах выразили свою тоску по Родине.*

*Так как в те времена с жилплощадью в Москве было достаточно сложно, больших квартир было мало, по вполне понятным причинам встреча Н. Эйтингона с частью его соратников впервые произошла именно в квартире деда и бабушки. Затем он часто один или с женой Музой приходили к ним в гости. Иногда после школы я приезжал на субботу-воскресенье, и мне удавалось застать чету Эйтингонов, и тогда с Наумом Исааковичем и дедом мы шли гулять в Лефортовский парк»*.

Хочу напомнить, что «дедушка Наум» с ещё одним (для кого-то) «дедушкой Пашей» — Павлом Анатольевичем Судоплатовым, тоже легендой советской разведки, спланировал и организовал убийство Троцкого в Мексике в 1940 г. (ледоруб Меркадера). А до этого оба спецслужбиста провели не одно «активное мероприя-

тие», то есть, называя вещи своими именами, были убийцами, душегубами. Разумеется, уничтожали они врагов СССР, а точнее — сталинского режима и лично Сталина. Да-да, работали они на того, кого Кугушев считает убийцей, садистом и параноиком, убивали, губили в соответствии с его целями, интересами и приказами и делали это качественно. Удивительно, но зная и понимая всё это, СВ в одном их писем мне писал, что именно от такого честнейшего и порядочнейшего человека, как Эйтингон, он узнал всю ужасную правду о Сталине.

Меня такой ход мысли немало удивил. Честнейшие и порядочнейшие убийцы? Убийцы, действовавшие по приказам того, кого СВ определил как убийцу? Да, они исполняли приказы. И что? Повторю: они убивали за идею и за Родину (надеюсь) — всё так. Но прав был другой советский разведчик, Дмитрий Быстролётов, который не питал иллюзий ни по поводу того, что он делал, ни по поводу морали, точнее, аморальности этих дел, ни по поводу суровой оценки себя и своих поступков. Да, писал он, мы убивали и творили подлости и преступления ради Родины, великой цели и светлого будущего. Но с у т и действий не меняет. «Ночами я просыпаюсь от жгучего горя и стыда, — писал отозванный из-за границы в Москву, получивший срок и отсидевший в тюрьме 16 лет Быстролётов, — и думаю — зачем же мы вынесли столько мук и сами совершили столько преступлений? Тогда мы успокаивали себя мыслью о жертве Родине: это было сомнительное по моральному уровню объяснение, но оно поддерживало силы и помогало идти в бой»[11].

Здесь важно: «сомнительное по моральному уровню объяснение». Разведчик — это та профессия, где часто нет места морали вообще. Политик, государственный деятель — то же. Но почему-то у СВ выходит, что Сталин — убийца и тиран, а выполнявшие его приказы Эйтингон и Судоплатов — «чистейшие и честнейшие люди». Что это, если не двойной стандарт? Да, Судоплатов и Эйтингон — легенды нашей разведки, как профессионалами ими можно гордиться, они заслужили свои награды. Всё так. Но противопоставлять их как «чистейших и честнейших людей» «убийце Сталину» это, как говорят французы, c'est un peu trop, это «немного слишком». И сколько стоит антисталинизм, выросший на т а к о й почве? Думаю, не очень много. Да и нейтральностью в оценках, которой, как правило, стремится следовать СВ, здесь не пахнет. Мы имеем дело с исключением из правил?

*«Хорошо знаю,* — писал мне СВ в письме от 22 ноября 2019 г., — *люди, побывавшие какой-то период внутри власти, склонны к излишней жёсткости и не всегда правильным поступкам. Поэтому, зная за собой такие недостатки, стараюсь быть нейтральным и корректным»*. В случае со Сталиным этого старания, на мой взгляд, не хватило. Впрочем, чисто по-человечески позиция СВ понятна, он изложил её в том же письме: *«И ещё я антисталинист потому, что совершенно не хотел бы, чтобы мои близкие и родные вдруг без всяких к тому оснований оказались в тюрьме или на том свете»*. При этом СВ считал, что в условиях патологического

[11] Быстролётов Д.А. Пир бессмертных. Книга о жестоком, трудном и великолепном времени. М.: Крафт+, 2011. Т. IV. Возмездие. С. 252.

финансиализма никакого Сталина впереди нет. Здесь я с ним согласен, и дело не только в том, что торгаши, неважно, какого происхождения — номенклатурного, чекистского, военного, криминального, — не то что сталинскую, вообще никакую систему создать не могут, а способны быть лишь зависимым элементом не ими созданной Большой Системы, а если последняя рушится и при этом отказывает им в праве на существование, то дело плохо.

Суть прежде всего в том, что сталинская система — это, как определял её В.В. Крылов, диктатура работников доиндустриального и раннеиндустриального труда (производства). Зрелому индустриальному производству, которое и создавал Сталин, его система неадекватна, и я уверен, он это если не понимал, то чувствовал. Кстати, похожий взгляд на сталинскую систему высказал и СВ в уже цитировавшемся мной письме: *«Сталин решал вполне конкретную задачу. После смерти вместе с имперским государством российского исторического социума он оживлял зомби. То есть решал задачу класса вуду. Фактически он проводил ускоренную модернизацию в машинной стадии капиталистической системы с опорой на внутренние ресурсы в условиях деструктивной фазы развития при массированной и жёстко обусловленной внешней помощи со стороны промышленного капитала преимущественно Америки. Все свои задачи он исчерпал к 1945 году. Поэтому собственно физически и психически окончательно сломался, и после войны были сумерки и кошмар»*.

Ну, насчёт *«физически и психически… сломался»* и *«сумерки и кошмар»* в качестве оценки позднего (послевоенного) Сталина — вопрос, как минимум, весьма и весьма спорный, есть совершенно противоположные свидетельства и оценки. А вот то, что во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов со вступлением в зрелую индустриальную стадию сталинизм как система себя исчерпал (и уже хотя бы поэтому никакая реставрация его невозможна), это верно. Как верен и другой тезис СВ: *«…поскольку в России из-за власти, прикидывающейся русской, к концу гражданской войны ничего, кроме зла не осталось и степень озверения общества перешла все мыслимые и немыслимые границы, то хорошего пути выхода не было. Собственно, "Мастер и Маргарита" с Воландом именно об этом. Воланд, конечно, имел черты Бартини, но по сути это — Иосиф Виссарионович. Абсолютное зло, которое в конкретных условиях во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов вынужденно делало добро».*

Оставляя в стороне вопрос о возможности существования абсолютного зла (в традиции западной культуры оно возможно, в традиции культуры русско-православной — нет), замечу: раз хорошего пути выхода из «озверина» швондеров и шариковых не было, то в чём в данном контексте претензии к Сталину? В том, что зачистил швондеров? Так им давно причиталось. В том, что укротил низовое зверьё? Так ещё Надежда Мандельштам во «Второй книге» писала, что если бы это не было сделано, то масса уничтожила бы последние остатки культуры в России и растерзала бы их носителей. Нельзя судить суровое время по меркам времён более

мягких и, тем более, чуть ли не в абсолют возводить оценки «честнейших и порядочнейших» убийц (пусть и «за Родину, за Сталина»), к тому же, пострадавших от режима, которому служили (пострадавших, кстати, не от Сталина, а от его наследников, но к ним почему-то ни у двух «дедушек», ни у СВ претензий нет).

## 6

Особое место в родовой цепи, к которой принадлежал СВ, занимает его двоюродный прадед, князь Вячеслав Александрович Кугушев (1863–1944), усыновивший его деда Бориса Николаевича. Его судьба — это словно иллюстрация к фразе не из лучшего булгаковского произведения — «как причудливо тусуется колода». И уж точно здесь мы видим алхимию крови.

Вячеслав Александрович Кугушев (далее — ВА) — представитель татарского княжеского рода, большая часть представителей которого в XVII в. приняла православие. Их потомки играли довольно заметную роль на военной и гражданской службе при царском дворе. Часть представителей рода (и их потомки) жили (и живут) за границей — эмигрировали после революции.

Один из представителей рода — Александр Иович Кугушев — женился на дворянке Юлии Шахуриной из крещёного татарского рода, которая в качестве приданого принесла мужу уральские золотые прииски. В 1863 г. у четы родился второй сын — ВА. Старший сын, Александр Александрович, известный меценат, сделает блестящую карьеру: станет товарищем (т.е. заместителем) уфимского губернатора и губернским предводителем дворянства. Именно его потомки окажутся в эмиграции.

Совершенно иначе сложилась судьба его младшего брата. Во время обучения в военной гимназии в Санкт-Петербурге, гуляя в Летнем саду, Вячеслав не снял шапку перед Александром II, за что был отруган охраной царя. Очень скоро юный князь становится соратником известного революционера Димитра Благоева (1856–1924) и, будучи студентом Лесного института, участвует в создании первой в России социал-демократической группы («Партия русских социал-демократов», декабрь 1883 г.; разгромлена в 1885 г.). За агитацию среди рабочих Вячеслава арестовывают, но срабатывают родственные и деловые связи и его освобождают.

В 1887 г. — новый арест, пришлось подавать прошение императору о помиловании, иначе отец грозил лишить сына наследства. Император помиловал, и ВА поступает на казённую службу. После раздела имущества он получает поместье на Тамбовщине и Узеньский хутор с огромным господским домом в Уфимской губернии. Управляющим своими поместьями ВА назначил известного революционера А.Д. Цюрупу. За революционную деятельность князя опять арестовывают, он получает полтора года тюрьмы и пять лет ссылки. Затем он продаёт тамбовское поместье, передаёт деньги (100 тыс. рублей золотом) социал-демократам (эти средства через Л.Б. Красина шли, в частности, бакинской типографии большевиков, руководимой в том числе И.В. Сталиным) и в 1905 г. бежит за границу.

Вернувшись в том же году по амнистии, ВА вступает в партию конституциалистов-демократов (кадетов), и его, несмотря на «послужной список», избирают в Государственный совет — такое было возможно только в расхлябанной России Николая II. Как член Госсовета князь пользуется неприкосновенностью, и в течение четырёх лет этого членства в его шикарном доме (после революции новая власть дом сожжёт) либо получали приют бежавшие ссыльные, либо просто останавливались или даже скрывались революционеры. Озолс Карлис в «Истории благотворительности в Башкирии» вспоминает, что среди гостивших были видные большевики Я.К. Берзин (1889–1938), К.К. Юренев (1888–1938) и, «если не ошибаюсь, Ленин». С Лениным ВА был знаком ещё по Самаре: в 1892–1893 гг. Ульянов был там помощником присяжного-поверенного, а Кугушев приезжал в город по делам Земельного банка. После революции ВА встречался с Лениным в кремлёвской квартире Цюрупы. Знала Кугушева и Крупская. О своей ссылке в Уфе в 1900–1901 гг. она, в частности, вспоминала: «В мою бытность в Уфе Кугушев работал в земстве, сочувствовал социал-демократам, давал деньги на революционные цели»[12].

С 1909 по 1917 г. ВА работал в земельном банке в Самаре. Там же он руководил масонской ложей, входившей в союз Великого Востока народов России. В 1910 г. ВА женится вторым браком на Анне Дмитриевне Цюрупе, сестре будущего наркома продовольствия в большевистском правительстве, который не только был управляющим поместьем князя, но и вовремя и удачно познакомил его с сестрой. После Февральской революции ВА какое-то время исполнял обязанности комиссара тюрьмы. Об Октябрьской революции князь узнал довольно необычным, едва не ставшим трагическим, образом. В его покои внезапно ворвалась компания пьяных матросов с явным намерением «расстрелять землевладельца-эксплуататора». Так, пишет Шамиль Еникеев, князь узнал об октябрьских событиях в Петрограде. «Каким-то образом ВА удалось убедить матросню, что он лично знаком с Лениным. Его привезли в Уфу, связались с Петроградом по телеграфу и после того, как Ленин подтвердил знакомство, отпустили[13]. В 1919 г. ВА официально вышел из партии кадетов и в том же году как минимум дважды выполнял поручения Ленина. Так, в октябре Ленин пишет ВА «с товарищеским приветом» и просит помочь одной из своих секретарш Л.А. Фотиевой, отправляющейся в Уфу, «устроиться, лечиться и кормиться “на убой”».

В ноябре Ленин озадачивает (бывшего) князя с намного более серьёзной и опасной миссией. После захвата «белочехами» Уфы — внезапного, во многом из-за предательства командующих Второй армией РККА Яковлева, Махина и Харченко — начались расстрелы, аресты и пытки в рабочих районах и были захвачены в качестве заложников первая жена Я.М. Свердлова с ребёнком, семьи А.Д. Цюрупы, Н.И. Подвойского, Т.С. Кривова, Н.П. Брюханова и ещё две семьи, близкие к

[12] О чём рассказала рукопись «красного князя»? // Уфа гид. https://ufa-gid.com/ocherki/o-chem-rasskazala-rukopis-quotkrasnogo-knyazyaquot.html

[13] Еникеев Ш. Князья Кугушевы. Однородцы Еникеевых — князья Кугушевы // Ufagen.ru. 23.12.2010. https://ufagen.ru/node/5582?ysclid=mea2ypt5rm607737613

Ульяновым по Симбирску. В свою очередь большевики захватили несколько аристократических семей. Кугушев выехал в Симбирск в расположение Пятой армии, чтобы затем договориться с колчаковцами об обмене заложников. В выданном по всей форме и подписанном Лениным документе говорилось о необходимости обеспечить Кугушеву беспрепятственный проезд и оказывать всяческое содействие. Дело было архисрочное, колчаковцы зверствовали, истребляя семьи комсостава: например, застрелили шестилетнего мальчика, полагая, что это сын Брюханова. Но Кугушев успел, обмен состоялся.

Помимо прочего, в ходе обмена Кугушеву удалось договориться с французами (они контролировали колчаковцев) и американцами об одной совместной инициативе. «В течение 1919 года на территории красных и белых в Поволжье и Сибири работала совместно с иностранцами чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом, в которой рука об руку работали и красные, и белые»[14].

Вообще осенью в 1919 г. на довольно ограниченном пространстве переплелись судьбы трёх людей. Это Вячеслав Александрович Кугушев, приехавший вызволять жён советских деятелей из колчаковских застенков, меняя их на содержавшихся в большевистских застенках жён колчаковских офицеров. Это Николай Павлович Брюханов (впоследствии видный советский государственный деятель), скрывавшийся от врага и из подполья следивший за судьбой жены. Примерно в это же время разыгрывалась драма с «золотым эшелоном» — запасом золота, часть которого большевики планировали увести из-под носа колчаковцев. Одним из руководителей этой операции был человек по фамилии Багаев, имени и отчества, к сожалению, не знаю. (В фильме «Золотой эшелон», поставленном в 1959 г., прототипом героя, которого играет В.М. Шукшин, был именно Багаев. Только в отличие от киношного героя, который погибает, Багаев остался жив.) Эти люди не знали не только друг друга, но даже о существовании друг друга. Прошло почти сто лет. Во второй половине 2010 г. наш Институт системно-стратегического анализа издал написанные сотрудничавшими с институтом монографии А.В. Багаева (внук) «Презумпция лжи», С.В. Кугушева (правнук) «Тропы Истории» и «Деструкция № 1917»; десятилетием раньше и в другой серии — «Трагедия России. Цареубийство 1 марта 1881 года» В.А. Брюханова (внук). Внуки и правнук тоже не знали друг друга, но собрались под крышей одного и того же института — судьба закольцевалась.

В 1919–1923 гг. ВА работал в Комитете помощи голодающим, в 1923–1930 гг. он — инспектор Всероссийского кооперативного банка, с 1930 г. — персональный пенсионер. В 1944 г. умер в результате несчастного случая — попал под трамвай, похоронен на Новодевичьем кладбище. В семье этого человека воспитывался родной дед СВ.

[14] Беляев А.Т. Деструкция № 1917. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. С. 51.